

Я поджала губы и кивнула:

— Помощь нужна?

Цанлан рассмеялся, и его взгляд, словно острый клинок, вонзился в то, что когда-то было цветущим лугом, а теперь превратилось в изрытый ямами дом:

— В этом нет нужды. Особых потерь нет, жаль только этих волчат. Из-за того, что здесь стоит хитроумный бессмертный массив, они не смогли найти жилу с кристаллами и выместили злобу на малышах. Жалкое зрелище, — он усмехнулся с сарказмом.

Я мысленно вздохнула: вот она, беда, порожденная алчностью. По виду Цанлана было ясно, что он держит ситуацию под контролем и мое вмешательство здесь лишнее. Однако жизнь у него одна, и если он излишне опрометчиво бросится мстить кому-то более могущественному, то плохо кончит. Решив помочь, я подумала, что стоит сварить для него несколько котлов спасительных пилюль.

Размышляя об этом, я не стала тратить время на пустые любезности и сразу отправилась в путь, улета вглубь дремучего леса.

Пилюли Хуахэ, также известные как пилюли Хуньюань, относятся к пятому уровню. Первый уровень — обычные пилюли, со второго по четвертый — бессмертные, а пятый — уровень божественных. Для приготовления нужны: трава феникса, корень Мяньмянь, небесная живая вода, плоды Чжуго и девятилистный линчжи. Вода и плоды у меня уже были, с линчжи тоже проблем не возникло, оставались только трава феникса и корень Мяньмянь.

Трава феникса растет там, где феникс возродился из пепла, причем это должна быть трава, выросшая после десятого, финального возрождения, прошедшего через девять огней кармы. Род фениксов обычно возрождается в своем священном месте — Лесу Фениксов, а вокруг него растут деревья утун.

Добыть траву феникса удалось без особых хлопот. Я часто спарринговала с молодыми фениксами, так что мы были в хороших отношениях. Стоило мне попросить, как малыши без лишних слов притаили целую охапку. Для них эта трава — сорняк сорняком; говорят, их старейшина кормит ею рыбок в пруду, ожидая, когда карпы кои перепрыгнут через Врата Дракона и станут истинными драконами.

Забрав траву, я направилась к подножию Облачного утеса.

Корень Мяньмянь — это корневище змеиного плода, выросшего на почве, удобренной ядом сотни змей. Чтобы его найти, нужно было пробраться к змеиному логову. При одном воспоминании о скользких и ледяных змеях, касающихся кожи, меня передернуло. Я пустила в ход духовную энергию, создав вокруг себя непроницаемый защитный барьер, и заскользила по прелой листве.

К счастью, карта, предоставленная А-Гуном, была очень подробной, с отметками всех примечательных мест, включая логово змей. Это место действительно было раем для рептилий: вокруг стоял запах гнили и специфическое зловоние змей. С деревьев свисали длинные змеи всех мастей, а на земле то и дело попадались клубки, сплетенные, словно лапша. С неба периодически сыпался змеиный дождь — слабонервный человек здесь точно заработал бы ночные кошмары.

Я встряхнула защитный барьер, сбрасывая с него шипящих гадов. Змеи на земле ползали туда-сюда, их пестрые узоры менялись, словно они патрулировали территорию. В особо густых местах змеи толщиной с палец нагромождались друг на друга почти на фут в высоту.

Я двигалась вдоль скалы, но пока не находила нужных плодов, похожих на лесную землянику. Бросив взгляд на зеленую змейку, переползшую с утеса на мой барьер, а затем на огромного питона толщиной с чашу, я поняла: здесь пока только мелкие особи, это внешняя граница логова.

Дальше деревья становились реже, но зато какими огромными — одно дерево занимало сотни метров вокруг. На земле, кроме сухой травы и опавших листьев, не осталось ни кустарника, ни низкорослого деревца. Вместе с этим менялся и размер змей — они становились все толще, и мне приходилось расширять барьер, чтобы меня не проглотили целиком.

Пролетев еще немного, я увидела просторную поляну, устланную зелеными листьями, среди которых пестрели красные, желтые и зеленые плоды...

Я с облегчением выдохнула, потеряла виски, чувствуя, как натянутые нервы наконец немного расслабились, а тошнота от увиденного ранее поутихла. Растения были чуть меньше клубники, но с побегами до полуфута высотой — это и было поле змеиных плодов. Странно только, что его никто не охранял.

С одной стороны возвышалась отвесная скала, на которой не росло даже сорняков, не то что деревьев. Но если поднять голову, то высоко в небе, казалось, из ниоткуда прорастала густая листва, плотно закрывающая этот участок. Впереди же простиралось плоское поле плодов площадью около километра, которое постепенно поднималось вверх по склону.

Я сорвала несколько ярко-красных плодов, выкопала корни Мяньмянь вместе с побегами и спрятала всё в браслет Цянькунь. Собираясь уходить, я замерла: до меня донесся густой запах крови и едва слышные стоны. Змеиного демона здесь не было, стоит ли вмешиваться?

Ноги сами понесли меня вперед. Я почесала затылок: когда-нибудь эта моя мягкосердечность меня погубит!

Идя на запах крови, я увидела огромное поле растоптанной травы, где темно-зеленый сок смешивался с багровой кровью, впитываясь в черную землю.

На единственном каменном постаменте, пригвожденная к нему трехфутовым тонким мечом, лежала длинная змеиная хвост. Если бы кончик хвоста изредка не подрагивал, я бы решила, что он мертв. Выше, вдоль покрытого чешуей и запекшейся кровью тела, начинался человеческий торс. Искалеченное тело безвольно свисало с края постамента. Кровь уже давно запеклась — мучили его явно не первый день. Тело было сплошь покрыто следами пыток: удары кнутом, ожоги, порезы от мечей, а на плече зияла рана, разъеденная ядом до самой кости... Плоская грудь, хоть и была иссечена шрамами, едва заметно вздымалась. Впрочем, с такими ранами лучше было бы уже умереть.

Убить — так убить, зачем же так мучить? Неужели демоны не чувствуют боли?!

Я стиснула зубы и перевела взгляд на лицо демона. К моему удивлению, его гладкое, как нефрит, лицо было чистым, без единого пятнышка или шрама. Потрескавшиеся губы были слегка приоткрыты, едва подрагивая от невыносимой боли. Длинные темно-фиолетовые волосы смешались с кровавыми сгустками, а широко раскрытые фиолетовые глаза бездумно смотрели в небо. В их выражении читалось то же самое, что я видела у беженцев в Африке — полная безнадежность.

Я осторожно подошла, раздумывая, стоит ли избавить его от страданий или... Он заметил меня и дернулся, но запекшаяся кровь не дала сдвинуться с места, и он лишь зашипел, дергая головой. Его испуганный взгляд напомнил мне напуганного олененка.

Я призвала кристальный меч и тихо прошептала:

— Сейчас станет легче. Совсем скоро...

Когда острый меч зависло над его переносицей, я замерла. Меч тоже остановился.

Он вдруг улыбнулся. Улыбкой чистой, как у младенца: уголки губ приподнялись, глаза превратились в полумесяцы, полные искренней радости. Такая яркая и красивая улыбка... Если бы не раны на теле, я бы приняла его за невинного духа, не знающего земных невзгод и человеческого коварства.

Что могло довести существо с такой улыбкой до подобного состояния? Игры... люди чувствуют вседозволенность и вымещают свою тьму на невинных существах? Неужели и я когда-нибудь стану такой жестокой?

Нет! Глубоко вздохнув, я убрала меч, присела перед ним и улыбнулась недоумевающему змею:

— Спи. Когда проснешься, все будет хорошо.

Я приложила пальцы, наполненные духовной энергией, к его широко открытым глазам. Почувствовала щекотку от его ресниц. Убедившись, что он уснул, я принялась за его раны.

Небесная живая вода для промывания, трава феникса для исцеления — к счастью, этого добра было в достатке. Еще лучше, что у А-Гуна я выменяла первоклассный нефрит, из которого сделала лечебные иглы. Моя техника Гуаншэн хоть и была невысокого уровня, но в реальности я отточила ее до совершенства, и мастерство никуда не делось. Операция должна пройти успешно.

Я превратила запекающуюся кровь в пыль с помощью духовной энергии, приподняла его торс и, активировав технику, ввела тридцать шесть нефритовых игл, чтобы защитить даньтянь и сердце. Быстро удалив с помощью меча омертвевшие ткани, я промыла раны водой, присыпала порошком из травы феникса и перевязала чистой тканью.

Взглянув на него — на лице демона застыла слабая улыбка, видимо, отключение сознания принесло облегчение — я поджала губы. Взмахнув мечом, я срезала с его хвоста ошметки чешуи. Иглы зафиксировали кровотечение. Кристальный меч вырезал в камне небольшое углубление, куда я переложила хвост. Наклонив флакон, я полила его смесью воды, нефритовой эссенции и пасты из линчжи.

Я встряхнула пустой флакон, глядя, как хвост постепенно восстанавливается в целебной жидкости. Половина запасов, которые я собирала годами, ушла в один миг. Посмотрим, как ты будешь расплачиваться.

Убрав иглы, я взяла тонкий меч и села на чистое место.

Клинок из холодного камня, рукоять из фиолетовой меди, на конце клеймо «Цвет №9». Девятый номер — неужели это организация? Странная духовная энергия в мече напоминала буддийскую и идеально подавляла силу демонов. Неудивительно, что змей, будучи почти на пороге стадии преодоления скорби, не смог вырваться. Неужели кто-то хотел зафиксировать его здесь, чтобы небесная кара уничтожила его?

— ...М-м... — послышался стон. Я отбросила меч и обернулась.

Змей, дрожа, попытался приподняться, но бессильно сполз обратно в углубление с целебной жидкостью. Напитавшись энергией, он открыл затуманенные глаза и огляделся. Увидев меня, он снова одарил меня той самой наивной улыбкой.

Я улыбнулась в ответ и встала. Его сила восстанавливалась, это логово змей, здесь найдутся те, кто о нем позаботится. Делать мне здесь больше нечего, темнеет, лучше вернуться пораньше.

— Поправляйся. В следующий раз будь осторожнее, мне пора...

— М-м... У-у... — он издал жалобный звук.

Я опустила взгляд. Ему на вид лет пятнадцать-шестнадцать, в лице есть детская невинность, но в то же время от него исходит природный шарм демона. В круглых фиолетовых глазах

выступили слезы, он закусил губу и пробормотал:

— Не... не уходи...

Он попытался подняться, но лишь сорвал повязки. Травя феникса сработала отлично — раны начали затягиваться нежной розовой кожей.

Я посмотрела на темнеющее небо, потом на жалобно смотрящего на меня змея. С этого ракурса его поза и выражение лица казались особенно беззащитными. Поколебавшись, я снова села:

— Хорошо, я не уйду. Не торопись.

Он еще ребенок, столько пережил... посижу с ним до утра.

Увидев, что я села, змей радостно защебетал, начал бить хвостом по воде, а потом полностью погрузился в жидкость, оставив на поверхности только голову, и принялся пристально смотреть на меня.

Я отвела взгляд, глядя на зеленые листья и красные плоды. Игры... почему все в этом мире считают его просто игрой? Ведь они не просто NPC без мыслей и крови...

Рядом послышалось шуршание. Я обернулась: змей принял человеческий облик, закутался в фиолетовые шелка и свернулся калачиком рядом со мной. Заметив, что я смотрю, он снова невинно улыбнулся, указал на свои глаза и волосы и робко произнес:

— Фиолетовый... А-Цзы...

Я улыбнулась:

— ...А-Цзы. — И указала на себя: — Цю Юй.

Он хихикнул, спрятал голову в коленях, а потом украдкой посмотрел на меня. Длинные фиолетовые волосы устлали землю. Я скорчила ему рожицу, он надул губы:

— ...Больно.

Я проследила за его взглядом — он тер левую лодыжку. То самое место, пронзенное мечом. На белой, как нефрит, коже отчетливо виднелось красное пятно.

Я протянула руку и, направив духовную энергию, начала массировать точки над раной, мягко спросив:

— Все еще сильно болит?

Он хотел было отдернуть ногу, но замер, испуганно поднял глаза, а потом опустил их и покачал головой. Спустя мгновение тихо прошептал:

— ...Просто холодно.

Я вспомнила, что он потерял много крови, да и температура его тела сама по себе низкая. Неудивительно, что его бьет дрожь. А я-то думала, это от боли... Не раздумывая, я достала из браслета одеяло, сшитое из шелка огненного шелкопряда и набитое перьями феникса, укрыла его и поправила воротник:

— Я сделала его давным-давно, просто ради забавы. Дарю тебе, А-Цзы.

Лицо А-Цзы вспыхнуло — то ли от тепла, то ли от прилива крови. Он захлопал глазами, закусил губу, спрятался в одеяло и улыбнулся:

— ...Ты такая добрая. Они такие злые.

Очень по-детски. Глядя на свернувшийся в огненно-красный клубок А-Цзы, который терся щекой об одеяло, я почувствовала, как сердце смягчилось. Он был таким наивным, совсем не похожим на тех змей, о которых я читала. Змея — холодная, коварная, ядовитая... Но вспомнив Бай Сучжэнь, которую заточили в пагоде на двадцать лет, или верную Сяо Цин... А-Цзы вполне вписывался в этот образ. В конце концов, нет ничего злее человеческого сердца.

Ночь прошла в моих раздумьях и сладком сне А-Цзы.

Вокруг начало светать. Раздавались шорохи, вдалеке виднелись силуэты гигантских змей, но сквозь густой туман их было не разглядеть.

Когда совсем рассвело, я осторожно отодвинула А-Цзы, который прислонился ко мне, и встала. Пора. Я уже собралась улетать, как почувствовала, что мою одежду кто-то тянет. Взглянув вниз, я встретилась с круглыми, испуганными глазами. Значит, притворялся спящим. Глядя на его надутые губы, я вздохнула — ну откуда у него столько способов вызывать жалость?

— Отпусти, — сухо сказала я. Расставание неизбежно, к чему эти привязанности?

Пальцы, сжимавшие подол, дрогнули, но тут же вцепились еще крепче. Глаза, полные слез, наполнились отчаянием. Он закусил губу и прошептал:

— А-Цзы... не отпустит... не уходи.

Я нахмурилась: чем дольше я здесь, тем труднее будет уйти. Нельзя поддаваться жалости. Я призвала меч и взмахнула им... Он округлил глаза, задрожал от страха, но пальцы не разжал. Меч прошел мимо, разрезав подол одежды, который остался у него в руках. Я отбросила меч и ушла, не оглядываясь.

Но тут я почувствовала рывок за ногу. Этот негодник вцепился в меня, рыдая навзрыд:

— Не уходи... не уходи... А-Цзы не хочет быть один... больно!

Глядя на несчастного А-Цзы, я не смогла быть жестокой. Подумала: он все равно скоро будет проходить через скорбь, подожду пару дней, а потом улечу со Звериной звезды. Вроде бы взрослый уже, а ведет себя как ребенок. После того как он преодолеет скорбь, пусть играет с маленькими фениксами...

Я беспомощно вздохнула, присела, погладила его по волосам и мягко сказала:

— У меня дела. Я вернусь, приведу тебе друзей, чтобы ты не скучал, хорошо?

Кто бы мог подумать, что при этих словах лицо А-Цзы изменится — в нем смешались страх, ужас и неверие. Я нахмурилась — что я сказала не так? Пока я размышляла, А-Цзы открыл рот, и перед моими глазами все потемнело — он выдохнул облако тумана. Перед тем как потерять сознание, я проклинала себя!

Чертовщина! Почему я не покончила с собой раньше? Дважды поддалась жалости и дважды получила удар в спину! Наивный? Ребенок? Да он подло обманул своего спасителя! Знала бы — прибила бы его сразу мечом!

Открыв глаза, я почувствовала тяжесть в руках и ногах. Черт возьми! Он превратил меня в обычного человека! Откуда у него такие способности?! Даже опытные игроки не обладают такими навыками! Зубы чесались содрать с него кожу, вытащить кости, слить кровь, вытянуть жилы и заспиртовать! Жареная змея, змея в кисло-сладком соусе, тушеная, пареная...

Пока я мысленно изрыгала проклятия, я осмотрела дантянь. Мерзавец, кто дал ему связывающую бессмертных веревку? Узнаю — живьем сдеру шкуру! К счастью, хотя дантянь заблокирован и духовную энергию использовать нельзя, парные мечи Люцзин остались при мне. Сейчас они медленно перерезали эту желтую веревочку. Скорость была низкой, но надежда оставалась. А вот от знамени Аньхуан, которое только ело и не работало, толку ноль — еще немного, и я сожгу тебя к чертям!

Стемнело. Птицы возвращались в гнезда.

Я со злостью открыла глаза, оставив попытки перерезать проклятую веревку. Из-за яда духовная сила была парализована.

Я взяла плод и начала жевать. Не потому, что мне было жаль его рыданий, а потому, что я не собиралась морить себя голодом. Наказывать себя за чужие ошибки — глупость, которую я не допущу.

Наевшись, я закрыла глаза и начала повторять про себя технику. Боялась, что если снова

посмотрю на это «милое» личико, то просто разорву его на куски.

— ...Братик, почему ты хочешь уйти? Ты тоже привел людей, чтобы обидеть меня, как и они? — сладкий голос жужжал над ухом.

Не отвечать. Кто тебе братик? Не примазывайся к родственникам.

Он терся, терся и, наконец, привалился теплым боком к моему плечу. Через одеяло из перьев феникса я чувствовала, как он свернулся у моих ног, бормоча что-то себе под нос.

— ...Все равно я скоро умру, побудь со мной еще немного...

— ...Они сказали, что А-Цзы не пройдет скорбь и не должен пачкать их землю, поэтому выбросили меня сюда... На самом деле я давно знал. Здесь так хорошо, ведь мама родилась здесь... Умереть там, где жила мама, так счастливо... Но как же больно! Зачем ты меня парализовал? Я же обещал, что не убегу...

— Ты пришел... я думал, все кончено... так рад... но... — бормотание стало неразборчивым. — Почему ты не такой, как они? Не только не сделал мне больно, но и вылечил... ты хороший...

— Мама говорила... у меня был братик, хороший, очень милый братик... но она не могла позволить ему страдать, как мне, поэтому отказалась от него... Мама тоже исчезла...

Он тихонько хихикнул:

— ...Мама сказала, мой папа — дракон. Очень красивый дракон! ...Жаль, я его не видел. Наверное, я плохо себя вел, вырос некрасивым, поэтому он нас бросил... Но мама была такой красивой, даже они считали ее лучшим товаром... почему этого было недостаточно?

— ...Не сердись, А-Цзы любит, когда ты улыбаешься... Мама сказала, если найдешь того, кто больше всех нравится, нужно дать ему черную пилюлю, тогда он никогда не уйдет от А-Цзы...

— ...Еще немного, так тепло... А-Цзы очень послушный, еще чуть-чуть...

Голос стих.

Я открыла глаза, глядя на черный комочек у своих ног. Расслабилась и легла на мягкие листья. Раз уж духовную энергию все равно не накопить, к чему медитации? Спать.

Закрыла глаза, вдыхая свежий запах листьев, но ворочалась без сна. Глядя в черную пустоту над головой, я вспомнила слова из книги по психологии: поза эмбриона означает отсутствие чувства безопасности.

...Жалкий и ненавистный... Демоны не простужаются? Его раны еще не зажили...

Нельзя поддаваться жалости! Подумай о своем положении — это все из-за твоей мягкости! Замерз бы насмерть, и... хорошо.

На следующий день я проснулась под ярким солнцем. Сквозь густую листву пробивался луч света, в котором танцевали пылинки, создавая иллюзию нереальности. Я прищурилась и встретила взглядом с А-Цзы, который лежал рядом и наблюдал за мной.

Заметив, что я смотрю, он сначала широко и невинно улыбнулся, но тут же снова принял жалкий вид. Я перевела взгляд на его руки — он держал подгоревшую жареную птицу. Сегодня мясо? Он протянул руку, предлагая мне угощение. Выглядело не очень, но пахло вкусно. Краем глаза я заметила неподалеку кучки обугленных останков — бедные птички, пали жертвой его рук! Ну что ж, принесу их в жертву своему желудку! Но... зубы не чищены, не буду!

Я отвернулась, чтобы не видеть его жалобного лица.

<http://bllate.org/book/22448/2359530>